

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

А. Н. Белов

Белов Алексей Николаевич, студент бакалавриата, кафедра истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Т. Н. Гончарова.

E-mail: st106249@student.spbu.ru, alexis-de-belois@mail.ru

ОТ КОНСУЛА БОНАПАРТА К ИМПЕРАТОРУ НАПОЛЕОНУ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Настоящая статья посвящена анализу воззрений русского общества на реалии Франции начала XIX века. Особое внимание уделено тому, как воспринимались политические трансформации Наполеона Бонапарта российскими подданными. Акцент сделан на эволюции титулатуры и объема личных полномочий главы Французской Республики. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1799 по 1805 гг.: от прихода Бонапарта к власти в результате переворота 18–19 брюмера до вступления России в войну Третьей коалиции. Именно в это время набор антинаполеоновских штампов государственной пропаганды был минимальным, поскольку Россия *de facto* не вела с Францией войн и находилась на дипломатическом распутье. Основываясь на публикуемых в указанное время периодических изданиях и публицистических произведениях, автор предпринимает попытку проследить развитие общественной мысли и влияния на нее политической конъюнктуры. В этой связи предлагается периодизация отношения русского общества к Бонапарту и его политике, в ходе развития которой оценка российскими подданными деяний Наполеона поступательно ухудшалась. По этой причине автором выдвигается предположение о том, что именно провозглашение первого консула императором французов стало поворотным моментом в его восприятии русской общественной мыслью. Консервативное дворянство видело в рождении новой буржуазной империи пощечину своему существованию, а симпатизирующие Французской революции круги могли воспринимать Наполеона как нового «тирана». Этим умело воспользовался царизм, в результате чего общественное мнение становилось все более и более негативным.

Ключевые слова: Консульство, Первая империя, Наполеон I, русское общество, публицистика, периодика.

Belov Aleksei Nikolaevich, student of Baccalaureate, Institute of History, the Chair of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation. Scientific adviser – PhD in History, Docent T.N. Goncharova.

E-mail: st106249@student.spbu.ru, alexis-de-belois@mail.ru

FROM CONSUL BONAPARTE TO EMPEROR NAPOLEON: VIEW FROM RUSSIA

This article is devoted to the analysis of the Russian views on the realities of France at the beginning of the XIX century. Special attention is paid to how the political transformations of Napoleon Bonaparte were perceived by Russian subjects. The key emphasis is placed on the evolution of the title and the amount of personal power of the head of the French Republic. The chronological framework of the study covers the period from 1799 to 1805: from Bonaparte's coming to power as a result of the coup of 18–19 Brumaire to Russia's entry into the war of the Third Coalition. It was at this time that the set of anti-Napoleonic stamps of state propaganda was minimal, since Russia de facto did not wage wars with France and was at a diplomatic crossroads. Based on the periodicals and journalistic works published at the specified time, the author attempts to track the development of public thought and the influence of political conjuncture on it. In this regard, the periodization of the attitude of Russian society to Bonaparte and his policy is proposed, in the course of which the assessment of Napoleon's deeds by Russian subjects progressively worsens. For this reason, the author makes an assumption that it was the proclamation of the first consul as the emperor of the French that became a turning point in the evolution of Russian public thought about him. The conservative nobility saw the birth of a new bourgeois empire as a slap in the face to their existence, and circles sympathetic to the French Revolution could perceive Napoleon as a new "tyrant". The tsarist regime skillfully took advantage of this, as a result of which public opinion became more and more negative.

Keywords: Consulate, First Empire, Napoleon I, Russian society, journalism, periodicals.

*****

Проблема русского общественного мнения о Наполеоне в целом и начале войны Третьей коалиции в частности обычно находилась вне поля зрения исследователей данной эпохи.

Дореволюционная историография не уделила этому вопросу почти никакого внимания. Так, основоположник официального взгляда на внешнюю

политику Александра I А.И. Михайловский-Данилевский, несмотря на очевидную попытку сделать из царя поборника мира, именно его рассматривал как главную фигуру, подтолкнувшую европейские державы к тому, чтобы «силою... остановить Наполеона»¹. При этом ни о каком «единении», «сплочении вокруг престола», всеобщем желании войны с Бонапартом и ненависти к нему автор не говорит ни слова: все, по его мнению, зависело от личного желания и «благородного» стремления русского царя.

Советская же концепция понимания социальных классов как единственного двигателя истории неизбежно внесла свои коррективы и в анализ генезиса франко-русского конфликта. Теперь царь готовил коалицию и начинал войну, с той лишь корректировкой, что делал это не из личных побуждений, а по причине боязни получения «апоплексического удара» от рук знати, «заинтересованной в дружбе с Англией»². Таким образом, по утверждению ряда специалистов³, именно дворянское общество и высшая аристократия империи были главными двигателями вступления России в борьбу с Наполеоном.

Совершенно на других, более аргументированных позициях стоят современные исследователи данного сюжета. Так, О.В. Соколов в ряде своих работ⁴ подчеркивал факт положительного мнения русского общества о Бонапарте. Тем не менее, довольно значимому вопросу эволюции этого мнения под влиянием изменений в характере власти Наполеона не было уделено должного внимания. Отсутствует в сочинениях и комплексный анализ источниковой базы – многочисленных газет. Наконец, широкий пласт различных узкопрофильных исследований посвящен образу Наполеона на страницах журнала «Вестник Европы». В ряде научных статей⁵

---

¹ *Михайловский-Данилевский А.И.* Полное собрание сочинений, Т. I: Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1849. С. 45–47.

² *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1942. С. 118–119.

³ В том числе и современных, напр. *Безотосный В.М.* Россия в Наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 95.

⁴ *Sokolov O.* Une guerre ad hominem? Napoléon vu par la société russe 1801-1811 // *Annales Historiques de la Révolution Française*, 2018. № 392, P. 87–105; *Соколов О.В.* Битва двух империй. 1805–1812. СПб., 2012. 735 с.

⁵ См. напр. *Кафанова О.Б.* Образ Наполеона в интерпретации Н.М. Карамзина и Г.Р. Державина: классицизм или сентиментализм? // *Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки*. 2015. № 2. С. 101–107.; *Ковалева О.А.* Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по

анализируется трансформация восприятия этого образа русским обществом, однако ни сопоставления с другими видами источников, ни рассмотрения особенностей власти Бонапарта на разных исторических этапах мы здесь не наблюдаем. Основная концептуальная позиция сводится к ухудшению российского мнения о французском лидере, ввиду внешнеполитической обстановки.

По этой причине нашей целью будет провести комплексный анализ взглядов русского общества на деятельность и личность Наполеона в 1799–1805 гг. в контексте ее социально-политического развития.

Русский взгляд на первого консула

Рассмотрим отношение к Франции, Бонапарту и его политической эволюции со стороны единственной тогда способной на формирование собственного мнения общественной группы. Таковой следует признать российское дворянство: его представители напрямую доносили свои идеи монарху, вступали с ним в полемику или открытое противостояние. Поэтому идейные настроения этого сословия немаловажны для понимания внутривнутриполитической ситуации в стране.

Итак, фактически первой русской книгой, посвященной Наполеону, были «Жизнь и триумфы генерала Боунапарте...», изданные в 1801 г. Повествование начиналось с признания «высоких дарований» главного героя опуса⁶. Далее с математической точностью описывались военно-политические события, например, эпизод Египетского похода: «Эскадра французская, отплыв от острова Мальты, продолжала свой путь к берегам Африки, которую увидели 12-ого числа <...>⁷. Четвертая полубригада разбила топорами ворота Розеттские. <...> Генерал отдал в своей армии благоразумные приказания, установить строгую дисциплину, сделать пребывание французских войск приятным для тамошних жителей посредством их доброго поведения»⁸. Таким образом, читателям сего издания не только многократно разъяснялись особенности деяний Бонапарта, но и их мельчайшие детали, аргументировано выстраивавшие общую картину военных и политических мероприятий.

материалам «Вестника Европы» Н.М. Карамзина) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 142–149.

⁶ Жизнь и триумфы генерала Боунапарте, содержащие в себе первые его успехи в военном состоянии и славные походы в Италию и Египет, до совершенного завоевания сей Турецкой провинции. М., 1801. С. 3–4.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 22–25.

В 1802 г. вышла «История первого консула Бонапарте...»⁹. Характерной особенностью этой книги был тот факт, что она представляла собой перевод с французского, тем самым преподнося российскому обществу официальную версию биографии Наполеона. Уже в ее предисловии читаем: «...Гений сей, нетокмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действо те великие намерения, которые должны сделать щастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия <...> и доставить торговле и художествам живость и деятельность»¹⁰. Подобными панегириками была наполнена вся книга: Наполеон «вмещает в себе самые противоположнейшие качества, коих соединение одно может токмо образовать великого человека»¹¹; «все говорили о его щастии»¹². Более того, произведение вело повествование в хронологическом порядке и детализировало события вплоть до дней и часов, поэтому читатели видели максимально приближенную к реальной картину происходившего и роли в ней Бонапарта. Наконец, в «Истории...» напрочь отсутствовали какие-либо негативные высказывания о первом консуле и его деятельности: даже эпизод с событиями в Яффе, столь активно муссируемый противниками Наполеона, упоминался лишь вскользь¹³.

Аналогичные пассажи можно обнаружить в еще одном публицистическом произведении той эпохи¹⁴: «Благороднейшее честолюбие вело Бонапарте к славе, не уклоняя ни на минуту от пути чести. Истинные его знания доставили ему всеобщее уважение; а искусство обращать их в пользу — счастье»¹⁵. Наконец, консулу, помимо вышеперечисленных речей, были посвящены хвалебные стихи¹⁶. При этом практически ни одного факта

---

⁹ История первого консула Бонапарте со времени его рождения, до заключения Люневильского мира. С приобщением знаменитых его деяний, остроумных ответов и анекдотов, относящихся к разным его походам; к коей присокуплена последняя Французская Конституция / Пер. с франц. СПб., 1802. 147 с.

¹⁰ Там же. С. III.

¹¹ Там же. С. VII.

¹² Там же. С. 67.

¹³ Там же. С. 120–123.

¹⁴ Написанном, более того, на языке главных и объективных противников Наполеона – англичан.

¹⁵ Некоторые замечания о первых годах Бонапарте, собранные и выданные на аглинском одним из его соучеников // Наполеон Бонапарт: pro et contra, антология. СПб., 2012. С. 49.

¹⁶ Анекдоты и характеристические черты из жизни Бонапарте, открывающие дух и свойства его, выбранные из всех тех писателей, которые только когда-нибудь писали о сем герое // Наполеон Бонапарт: pro et contra, антология. СПб., 2012. С. 55.

или высказывания, отрицательно характеризующего Наполеона, на страницах приведенной публицистики не было. Только восклицания о величии французского «гения», его армии и страны.

Для полноты и объективности картины рассмотрим, пожалуй, главное официальное произведение русской периодической печати начала XIX века, издававшееся, прежде всего, как ретрансляция текущих событий в мире – «Вестник Европы». Его отцом-основателем и редактором до начала 1804 г. был Н.М. Карамзин. Журнал по своей сущности являлся литературно-политическим: в первой части печатались новинки прозы и поэзии, во второй – краткое, но концептуальное обозрение международной ситуации. Безусловно, издание было зависимо от государственной власти, однако это открывает дополнительную возможность анализа того, как царский режим влиял на содержание его статей. Таким образом, можем проследить изменение мнения читателей с 1802 г. до кульминации войны III коалиции.

Перейдем к непосредственному рассмотрению источника. В 1802–1803 гг. страницы журнала фактически являлись полной калькой вышеописанных книг. С точки зрения авторов статей, Бонапарт – высший идеал правителя, он «столько любим, и столь нужен для счастья Франции, что один безумец может восстать против его благодетельной власти»¹⁷. Признается не только гений первого консула, но и «злоба тех людей, которые брались делать контр-революцию»¹⁸, а также «безумие директоров»¹⁹. Таким образом, на фоне величия Наполеона меркли как сами события 1789–1799 гг., так и желание роялистов восстановить монархию. Во внешней же политике во главу угла ставился франко-русский союз, способный создать систему равновесия на континенте: «...впредь ничто не может разрушить связи между двумя великими народами, которые имеют столько причин любить (и не имеют ни одной бояться) друг друга»²⁰; «Россия, будучи в союзе с Францией, может хранить мир Европы»²¹. Лишь отдельные негативные высказывания мы видим в отношении французской конституции: «[закон

---

¹⁷ Известия и замечания // Вестник Европы. 1802. Ч. I. № 2. Январь. С. 90.

¹⁸ Письмо из Парижа // Вестник Европы. 1802. Ч. III. № 9. Май. С. 253

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Изображение состояния Французской Республики, представленное Консулами Законодательному Совету // Вестник Европы. 1802. Ч. I. № 1. Январь. С. 95–96.

²¹ О посредстве России и Франции в делах Германии (из Франц. журнала) // Вестник Европы. 1802. Ч. V. № 19. Октябрь. С. 233.

произвел] «более неудовольствия и менее гражданской свободы», «необходимость войны междоусобной»²².

В 1803–1804 гг. несколько изменился тон всех статей и их происхождение. Теперь сознанию дворян внушались еще и «властолюбивые намерения консула», и «миролюбие» британского премьер-министра²³, и «опасность Республики»²⁴. Однако суть их оставалась прежней: очевидны были «благотельные выгоды порядка»²⁵ Наполеона, «блестящий характер кодекса»²⁶, «Гений войны и политики» первого консула²⁷. Вектор дипломатии России, даже с английской точки зрения, оставался прежним и единственно верным (т.е. союз с Францией)²⁸. Более того, в ноябрьском номере вышла статья, подчеркивающая «твердость консульского правления» и ее причины²⁹.

Таким образом, «Вестник Европы» в указанный период представляется настоящим рупором бонапартистских идей, распространившим одобрительное к ним отношение в среде русского общества³⁰.

Что же касается газетного материала, то здесь первостепенное значение имели «Петербургские» и «Московские ведомости». Выходившие несколько раз в неделю издания содержали регулярные новостные колонки, посвященные актуальным международным событиям. Самое прямое отражение нашла в них и политическая деятельность первого консула.

Так, в 1800–1803 гг. позиция «Ведомостей» была абсолютно идентична взглядам авторов «Вестника Европы» и упомянутых публицистических произведений³¹. По этой причине особый интерес представляет 1804 г. –

---

²² Несколько слов о новой Французской Конституции (из Нем. журнала) // Вестник Европы. 1802. Ч. VI. № 21. Ноябрь. С. 61–62.

²³ О политической системе Англии и Франции (Из Morning Chronicle) // Вестник Европы. 1803. Ч. VII. № 1. Январь. С. 50–53.

²⁴ Что выгоднее для Европы в нынешнюю войну: падение Франции или Англии? (Из Нем. Журнала) // Вестник Европы. 1803. Ч. XII. № 21 и 22. Ноябрь. С. 121.

²⁵ Франция // Вестник Европы. 1803. Ч. VII. № 3. Февраль. С. 238.

²⁶ Известия и замечания // Вестник Европы. 1803. Ч. VIII. № 7. Апрель. С. 235–236.

²⁷ Известия и замечания // Вестник Европы. 1803. Ч. X. № 14. Июль. С. 153.

²⁸ О силе Франции и России // Вестник Европы. 1803. Ч. X. № 15. Август. С. 213.

²⁹ О твердости нынешнего Консульского Правления во Франции // Вестник Европы. 1803. Ч. XII. № 21 и 22. Ноябрь. С. 104–106.

³⁰ Sokolov O. Une guerre ad hominem... P. 87–105.

³¹ См. напр. Московские ведомости, 1800. № 5, 12, 45, 67; Московские ведомости, 1801. № 8, 76; Московские ведомости, 1802. № 1, 7, 56; Московские ведомости, 1803. № 2, 91. Санкт-Петербургские ведомости, 1800. № 1; Санкт-Петербургские ведомости, 1802. № 9, 13, 15, 32, 54, 68.

время финальной политической трансформации Наполеона. Именно в мае этого года особым сенатус-консультом вводилась наследуемая императорская власть, что не могло не повлиять на общественные воззрения.

До провозглашения империи номера «Ведомостей» либо пестрили положительным мнением о Бонапарте, либо в деталях описывали его частную жизнь и государственную деятельность.

Так, можем встретить предложение «выпить за здоровье первого консула»³², очередную констатацию справедливости и твердости его правления³³. В последующих номерах проводился тщательный разбор обстоятельств заговора против Бонапарта, его участники признавались «головорезами»³⁴ и «разбойниками»³⁵. Сам Наполеон не раз сравнивался с Карлом Великим³⁶, отмечалось устроенное им «народное благоденствие» и внешние успехи³⁷.

Заметим, что личность французского лидера характеризовалась исключительно с положительной стороны: один из анекдотов содержал рассказ о его доблести³⁸, не раз цитировались и хвалебные речи в адрес Бонапарта³⁹.

Более того, первые месяцы 1804 г. были наполнены мельчайшими подробностями из жизни Наполеона, будь то военные⁴⁰, научные⁴¹ или культурные⁴² мероприятия: от открытия бюста главы государства до светской жизни его супруги.

Наконец, читатели газеты уведомлялись о возможности приобретения портретов первого консула: «иллюминированного» за 1 рубль; черного – за 50 копеек⁴³ и книги с его биографией⁴⁴.

Все эти факты недвусмысленно свидетельствуют о положительном отношении русского общества к консульскому правлению даже в последние

---

³² Из Парижа, Декабря 16 // Московские ведомости, 1804. № 4. С. 63–64.

³³ Из Турина, Декабря 18 // Московские ведомости, 1804. № 9. С. 155–156.

³⁴ Из Парижа, Февраля 17 // Московские ведомости, 1804. № 21. С. 402–403.

³⁵ Из Парижа, Марта 5 // Московские ведомости, 1804. № 21. С. 499–501.

³⁶ Там же. № 12. С. 223.

³⁷ Из Парижа, Апреля 23 // Московские ведомости, 1804. № 21. С. 738.

³⁸ Из Парижа, Декабря 14 // Московские ведомости, 1804. № 3. С. 45.

³⁹ Из Парижа, Марта 28 // Московские ведомости, 1804. № 34. С. 657.

⁴⁰ Там же. № 1, 3, 4, 10, 14, 23, 25.

⁴¹ Там же. № 25, 30.

⁴² Там же. № 2, 18, 20, 25, 33, 41.

⁴³ Объявление // Московские ведомости, 1804. № 16.

⁴⁴ Московские ведомости, 1804. № 24. С. 465.

месяцы существования оногo. Именно Бонапарт представлялся лучшим вариантом управления Францией, что еще раз подтверждает и дополняет означенный в литературе тезис⁴⁵.

Император глазами российских подданных

Анализируя основную канву эволюции общественного мнения России, снова остановимся, прежде всего, на наиболее ярком ее ретрансляторе – «Вестнике Европы».

В 1804 г. поменялся редактор журнала (им стал П.П. Сумароков), а вместе с ним во многом и его содержание. Несмотря на несколько высказываний, становящихся в один ряд с общими идеями предшествующих номеров (напр., «внутреннее спокойствие и мирное правление»⁴⁶ во Франции, слова о «новом триумфе императора»⁴⁷), в общем и целом, журнал все более и более представлял собой лишь констатацию фактов (напр., расстрел Герцога Энгийенского или провозглашение империи), либо давал им умеренно-негативную оценку. Так, Бонапарт теперь «дерзнул стать наряду с Государями»⁴⁸, а «Французское правительство показало новый опыт несправедливости»⁴⁹. При этом меняется и предлагаемый внешнеполитический вектор: «Сильное влияние России везде противуполагает преграду властолюбию Французского [государства]»⁵⁰.

Таким образом, Александр I, по наиболее убедительной концепции, окончательно решивший воевать с Францией еще в 1803 г.⁵¹, теперь в значительной мере направлял российскую публицистику в нужное ему русло. Особенно явственным это стало после доклада о профранцузской печати, представленного царю главным директором почт Д.П. Трощинским 20 октября 1804 г. Именно он, по словам В.Г. Сироткина, «послужил

---

⁴⁵ Ковалева О.А. Эволюция представлений о Наполеоне... С. 142–149

⁴⁶ Известия и замечания // Вестник Европы. 1804. Ч. XIII. № 3. Февраль. С. 241.

⁴⁷ Перечень известий из Парижа, с 12-го по 18-е Июня // Вестник Европы. 1804. Ч. XV. № 12. Июнь. С. 345.

⁴⁸ Цезарь, Кромвель и Бонапарте. Параллель. (Из Англ. Вед.) // Вестник Европы. 1804. Ч. XVII. № 20. Октябрь. С. 335–338.

⁴⁹ Известия и замечания // Вестник Европы. 1804. Ч. XVIII. № 23. Декабрь. С. 249.

⁵⁰ Известия и замечания // Вестник Европы. 1804. Ч. XVIII. № 24. Декабрь. С. 331–332.

⁵¹ Об этом свидетельствует ряд идеологических и дипломатических шагов русского монарха. Подр. см. Соколов О.В. Битва двух империй. 1805–1812. СПб., 2012. С. 99–105.

формальным толчком для организации русской антинаполеоновской пропаганды»⁵².

В 1805 г. редакторскую должность «Вестника...» занял М.Т. Каченовский, который стал активно поощрять заложенную ранее неприязнь к Франции и Наполеону. На страницах всех номеров 1805 г. мы находим фактически лишь одно нейтральное свидетельство: «Бонапарте имеет нужду в примирении, окончив благополучно обряд своего коронования»⁵³. Зато крайне негативных формулировок теперь предостаточно: Наполеон «давит [французов] железным скипетром деспотизма»⁵⁴, во Франции существует «...самое постыднейшее рабство. Все подчинено произволу...»⁵⁵; «Народ Парижский называет Бонапарте ужасным тираном»⁵⁶; «гордым супостатом»⁵⁷ его именovala русская публицистика, упоминалось и скромное происхождение нового монарха: «[как можно признать] императором и королем человека, родившегося на таком острове, откуда Римляне стыдились вывозить рабов»⁵⁸. Таким образом, журнал активно подталкивал дворянское общество к противостоянию с Бонапартом и освобождению из-под его «ига» Франции и ее народа. Тем самым пропаганда вступала в коренное противоречие с собственными же недавними формулировками.

Еще более явственное противопоставление Консулата Империи можем обнаружить на страницах «Московских ведомостей». Тон этой газеты самым резким образом искажился, по всей видимости, в результате указания «сверху». Неслучайно своеобразной чертой между «Бонапартом – гением» и «Бонапартом – тираном» стала нота Александра I с официальной оценкой казни герцога Энгиенского⁵⁹. Это спровоцировало целый ряд изменений на страницах газеты:

а) Значительно уменьшилось количество поступающей из Франции информации. Так, в № 50, 53, 60, 62, 71, 79, 82, 86, 90, 100 полностью отсутствовала рубрика «Из Парижа», а в прочих выпусках очевидно ее резкое

---

⁵² Сироткин В.Г. Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. / Под ред. А.Л. Нарочницкого, Г. Шееля. М., 1988. С. 225.

⁵³ Известия и замечания // Вестник Европы. 1805. Ч. XIX. № 4. Февраль. С. 334.

⁵⁴ Известия и замечания // Вестник Европы. 1805. Ч. XX. № 7. Апрель. С. 254.

⁵⁵ Изображение нынешняго состояния Франции // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIII. № 17. Сентябрь. С. 62.

⁵⁶ Там же. С. 68.

⁵⁷ Известия и замечания // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV. № 22. Ноябрь. С. 155

⁵⁸ Хищения Наполеоновы // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV. № 23. Декабрь. С. 230–231.

⁵⁹ Московские ведомости, 1804. № 45. С. 818–819.

сокращение. Заметим, что даже о провозглашении Наполеона императором читатель узнавал не из Парижских известий⁶⁰.

б) Больше место начали занимать тексты, вышедшие из-под пера противников Бонапарта. Например, вниманию читателя предлагалось письмо осужденного Моро⁶¹, либо отрывок из его оправдательной речи⁶².

с) Описание жизни императора сводилось теперь к констатации его военных мероприятий⁶³. По всей вероятности, редакторы газеты не могли в одночасье полностью вытравить из собственного издания все сведения о Наполеоне, поэтому вынуждены были периодически их ретранслировать, хотя и в усеченном виде⁶⁴.

д) Некие рудименты прежних лет сохранились, но утратили свой первоначальный смысл. Так, в конце 103 номера читателю сообщалось о возможности приобретения портрета «консула Бонапарте» по той же цене, что и годом ранее⁶⁵.

Причина названной трансформации очевидна. Государству, вставшему на путь войны с Наполеоном, было важно направить свой социум против императора французов. Ради этого пресса вынуждена была пройти между Сциллой противоречия общественным настроениям и Харибдой имперской пропаганды. Результат подобной эклектики – упомянутое сочетание несочетаемого на страницах газет.

Итак, можем отметить, что по мере реализации замыслов русского императора изменилась и публицистика, связанная с объектами этих планов. Если в ранние годы она лишь констатировала очевидное, то в 1804–1805 гг. окончательно стала верным слугой монаршей власти. Однако, судя по всему, было проблематично в столь короткий срок преодолеть и развернуть на 180 градусов сознание наиболее интеллектуальной части подданных России, поэтому общественное мнение в момент начала войны III коалиции не могло быть однородным и направленным исключительно против вчерашнего «гения» и сегодняшнего «тирана». Именно это наложение одного на другое отделило русское общество от Бонапарта.

---

⁶⁰ Из Брисселя, Мая 23 // Московские ведомости, 1804. № 47. С. 846.

⁶¹ Из Парижа, Мая 30 // Московские ведомости, 1804. № 52. С. 916.

⁶² Из Парижа, Июня 8 // Московские ведомости, 1804. № 55. С. 956.

⁶³ Московские ведомости, 1804. № 57, 61, 68, 70, 72, 78, 80, 91, 95, 98; Московские ведомости, 1805. № 10, 20, 22, 24, 27, 28, 38, 42, 57, 72, 77.

⁶⁴ См. напр. распоряжок дня Наполеона: Из Парижа, Ноября 11 // Московские ведомости, 1804. № 102. С. 1799.

⁶⁵ Московские ведомости, 1804. № 103.

Заметим, что тенденция к противостоянию с Наполеоном впервые намечается только с момента провозглашения его императором французов. До этого страницы публицистики были наполнены восторженным описанием его деяний, после – пропитаны усиливающейся неприязнью.

По этой причине в 1804–1805 гг. имели место два связанных друг с другом социально-политических явления. С одной стороны, это вполне закономерная попытка государства направить общественное мнение в русло борьбы с новоиспеченным императором путем размещения нелицеприятных заметок о нем. Другой аспект был связан с вероятным отчуждением дворянского сословия от Наполеона после принятия им монаршего звания. Если консул Бонапарт был дворянам близок и понятен как умиротворитель революции, то император французов представлял угрозу в идейно-нравственном и политико-имиджевом отношениях. Существенен и бывший нестерпимым для родовой аристократии образ выскочки с провинциальной Корсики, претендовавшего на полномочия наследственного монарха. Более того, в среде прогрессивного дворянства, пропитанного духом тираноборчества, становление нового «деспота» могло стать чем-то несовместимым с республикой и революцией. Понимая эти противоречия, с 1804 г. правительство умело использовало их в своих пропагандистских целях.

Таким образом, нельзя назвать дворянство главным инициатором франко-русского конфликта. Изначально привилегированное сословие в большинстве своем положительно оценивало действия Наполеона и воспринимало его как завершителя кровавой смуты, приносившего благо, справедливость и социальное спокойствие.

В то же время для царизма важно было идеологическое оправдание своей внешней политики. И оно нашлось. Факт провозглашения Первой империи, непонятный российским элитам, был трактован как действие, нарушавшее не только установки монархического легитимизма, но и принципы Французской революции.

Недоумение дворян было направлено в нужное русло, и воины очередной коалиции начали свой тернистый поход в направлении Парижа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Bezetosnyj V. M. *Rossiya v Napoleonovskih vojnah 1805–1815 gg. [Russia in the Napoleonic Wars of 1805-1815]*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya Publ., 2014. 664 p. *Безотосный В. М. Россия в Наполеоновских войнах 1805–1815 гг.* Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 664 с.

Kafanova O. B. Obraz Napoleona v interpretacii N. M. Karamzina i G. R. Derzhavina: klassicizm ili sentimentalizm? [The image of Napoleon in the interpretation of N. M. Karamzin and G. R. Derzhavin: Classicism or sentimentalism?], in *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*. 2015. № 2. P. 101–107. (In Russian)

Кафанова О. Б. Образ Наполеона в интерпретации Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина: классицизм или сентиментализм? // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 101–107.

Kovaleva O. A. Evolyuciya predstavlenij o Napoleone Bonaparte na stranicah russkoj publicistiky XIX v. (po materialam «Vestnika Evropy» N.M. Karamzina) [Evolution of ideas about Napoleon Bonaparte on the pages of Russian journalism of the XIX century (based on the materials of the "Bulletin of Europe" by N.M. Karamzin)], in *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2019. № 1. P. 142–149. (In Russian)

Ковалева О. А. Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по материалам «Вестника Европы» Н.М. Карамзина) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 142–149.

Mihajlovskij-Danilevskij A. I. *Complete works, T. I: Opisanie pervoj vojny imperatora Aleksandra s Napoleonom v 1805 g. [Description of the first war of Emperor Alexander with Napoleon in 1805]*, Saint Petersburg: Tipografiya Shtaba Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi Publ., 1849. 498 p.

Михайловский-Данилевский А. И. Полное собрание сочинений, Т. I: Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. Санкт-Петербург: Типография Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1849. 498 с.

Sirotkin V. G. Oficioznaya voenno-politicheskaya publicistika Francii i Rossii v 1804–1815 gg. [Official military-political journalism of France and Russia in 1804–1815], in *Bessmertnaya epopeya*. Edited by A. L. Narochnitskii, G. Sheel. Moscow: Nauka Publ., 1988. P. 222–243. (In Russian)

Сироткин В. Г. Официозная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804–1815 гг. // Бессмертная эпопея. / Под ред. А. Л. Нарочницкого, Г. Шееля. Москва: Наука, 1988. С. 222–243.

Sokolov O. V. *Bitva dvuh imperij [Battle of Two Empires]*. Saint Petersburg: Astrel' – AST Publ., 2012. 735 p.

Соколов О. В. Битва двух империй. Санкт-Петербург: Астрель – АСТ, 2012. 735 с.

Sokolov O. Une guerre ad hominem? Napoléon vu par la société russe 1801–1811 // *Annales Historiques de la Révolution Française*, 2018. № 392, P. 87–105.

Tarle E. V. *Napoleon*. Moscow: OGIZ Publ., 1942. 368 p.

Тарле Е. В. Наполеон. Москва: ОГИЗ, 1942. 368 с.